

Елена Жестерина

Писатель и драматург. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинар С. Есина). Член Союза писателей России. Автор более 30 книг для детей и подростков (выходили в издательствах «Малыш», «Эксмо», «АСТ», Rugram). Произведения печатались в журналах: «Современная драматургия», «Мир детского театра», «Простоквашино», «Кукумбер», «Урал», «Дружба народов», «Знамя» и др.

Лауреат драматургических конкурсов: «Евразия», «Премьера», премии «Долг. Честь. Достоинство» журнала «Современная драматургия», дипломант международной премии им. Ф. Искандера, финалист драматургического конкурса «Любимовка», лонг- и шортлистер драматургического конкурса «Ремарка», обладатель специального приза международного драматургического конкурса «Баденвайлер».

Живёт в Москве.

От печки

— Печа!

Алексей никогда не называл её по имени. Да и вообще никак не называл. Не обращался к ней вслух.

Света Печаткина. Училась с ним в одном классе. Печа и Печа, давно повелось. И не вспомнить теперь, кто и когда её так сократил.

Она узнала Алексея:

— Кузьмичёв?

— Так точно.

Алексей не сразу заметил её. Он стоял на остановке один, подъехал проходящий автобус, вышли люди. Автобус, закрыв дверь, тут же умчался по трассе. Двадцать минут назад здесь же, на трассе, Алексея высадила армейский КамАЗ, с которым от аэродрома ему оказалось по пути. Высадил и двинул дальше на север, к себе в часть. А Алексей вызвал такси. Районный центр, где прошло его детство, где он окончил школу, был в восьмидесяти километрах отсюда. Внезапно появиться такой нечаянной радостью, сделать жене сюрприз — этим летом она с детьми была здесь — вот такой был у него весёлый план. Проще было позвонить и ошарашить: «Отпуск, еду, встречай на машине у поворота с шоссе». Но Алексей по дороге переписывался с женой — она радовалась, что муж явно в тылу, раз вышел на связь, сообщала подробности: гости, шашлыки, день рождения соседских двойняшек. Зачем он будет отрывать её от праздничных хлопот? Такси обещало прибыть через пятнадцать минут.

И тут Печа. Алексей не обратил бы на неё внимание — ну, среди десятка людей стоит кто-то с большой сумкой под крышей остановки, и стоит. Но солнце слепило глаза, Алексей шагнул в тенёк. И узнал Печаткину.

Она была очень похожа на себя ту, из школы. Алексей вспомнил: когда она улыбалась упругими, как будто гуттаперчевыми, щеками с ямочками, глаза становились узкими. А переставала улыбаться — снова круглыми.

И сейчас, как узнала его, так же заулыбалась. Алексей растерялся и не знал, как её приветствовать. Чего проще — обнять, чмокнуть в щёчку. Ничего такого, просто от радости видеть. Но Алексей не смог. Вёз всю нежность жене.

Но это же Света Печаткина!

Она сама всё спасла. Протянула руки:

— Можно обнять солдата?

— Конечно!

Они обнялись. Печаткина крепко прижалась к Алексею, замерла. Живая, молодая, красивая Печаткина. Алексей почувствовал, что и он точно по-настоящему живой, тоже молодой. И красивый тоже.

Печаткина отстранилась. Видно было, что она чуть не плачет. Вернее, даже плачет. Но не показывает. Видно, что не показывает, э-э-э...

Печаткина что-то говорила.

Алексей со времён окончания школы не виделся с Печей, не слышал её голоса. Не помнил его. Осталось в памяти, что голос Печи никому не давал покоя. И сама она была активная.

— ... Что?

— Спасибо!

— Что? За что?

— Как за что, солдат? За всё.

Не сводя взгляда с Алексея, Печа отошла на шаг. Сжала руки в кулачки, приложила их к щекам.

Улыбнулась.

Какая хорошая.

— Кузь-ми-чёв. Надо же.

Сколько лет прошло. Голос...

— Ты домой? К нам, туда? Скоро автобус подойдёт.

— Я такси вызвал. Поехали со мной?

— Поехали, конечно! Спа...

Печа замолчала и хихикнула. Алексей вспомнил, что она никогда не говорила того, чего не думала. Значит, сейчас решила, что не за что благодарить. Свой везёт своего, раз может. Это нормально. Никаких реверансов. И предложений Богу: спасти, Бог, этого благодетеля.

Алексею пришла на ум мысль: а откуда он знал, что Печаткина не говорила того, чего не думала? Они же не общались в школе. Ему так казалось? На основании каких-то её дел и слов он сделал такой вывод? Об этом хотелось подумать.

В этот момент Печаткина вышла из-под тени остановки и принялась вглядываться в ту сторону, откуда должно было появиться такси.

Было лето. Ближе к середине. По шоссе неслись машины, но всё это уже отступало, а узкая асфальтовая дорога к районному центру была пуста.

Солнце палило, пройдя зенит. Тень железной остановки помогала лишь лучше видеть экран телефона: ближайших машин такси, готовых принять заказ, ноль. Алексей перезагружал телефон, выключал и включал интернет, но всё оставалось неизменным — такси, обещавшее приехать через пятнадцать минут, больше не хотело подавать сигналов. Если бы отменили заказ — так бы и написали. Но не писали же. Алексей попытался найти другую службу такси родного города, нашёл, вызвал. Результат тот же: сначала сообщили, что в течение двух минут машину ему подберут, а потом — ку-ку...

Очень хотелось спросить у Печаткиной: что за фигня у вас там с такси? Но Алексей не решился. Посмотрел на Печаткину, которая вернулась в тенёк, — она улыбалась.

Промелькнула мысль: «Сейчас она предложит не полагаться на милость буржуйского сервиса, не тратить деньги, ещё подождать и бюджетно проехаться на автобусе. Будет немножко неловко соглашаться — ведь пригласил уже как-никак...»

Но Печаткина молчала.

Алексей отметил: она одного роста с ним. Глаза в глаза. Жена была выше Алексея, а как каблуки наденет — модель. Очень красивая. Моложе на одиннадцать лет.

Нет, жене рано звонить. Пусть всё идёт по плану.

— Ты же в отпуск?

— В отпуск.

Мобилизованный первой волны Алексей Кузьмичёв, москвич, старший сержант, служил уже почти год. Это был его второй отпуск. Не просто ротация, а настоящий. Алексей не знал, когда именно этот отпуск будет. В городе, где он родился, этой зимой умер дядька, брат матери. Остался дом — по завещанию отписанный ему, Алексею. Дом большой, лето жаркое — вот Алексей и сказал жене и детям отправляться туда отдыхать. А местного нотариуса уговорил ждать его. Как сможет — приедет. Всё удачно совпало. И с тем, что он жив. И с отпуском. И с быстрым транспортом. Только вот забыли про овраги — и такси, эдакая фигня, где-то тормозит. А так бы как сели они с Печаткиной, как поехали бы, да с ветерком...

Печаткина опустила на металлическую лавочку. Смотрела на Алексея, улыбалась. Взрослая тётя, а щёчки всё такие же кругленькие, смугло-румяные. Всё как было. Однажды одноклассник Петров, вспомнил Алексей, схватился за эти яблочки, со словами «Чи-и-ичиков!» растянул их в разные стороны. И как летел, как летел, гремя костями о парты и стены! Печа была бешеная. Её так-то особо никто и не трогал, но тут подвёл кинематограф. Петров поддался его влиянию — и пострадал.

Алексей хихикнул.

Печа, конечно, не знала, что он вспомнил именно это, но улыбнулась ещё шире. Яблочки-щёки напозли на глазки.

Беззаботная.

Набитая клетчатая сумка стояла у её ног. Розовые тапочки покрывала пыль, подол платья был натянут на колени. Ещё на коленях лежали руки, безымянный палец без кольца.

Алексей нахмурился и отвернулся, показывая, что с интересом смотрит на то, как садятся в машину и уносятся прочь трое пенсионеров — последние из тех пассажиров, что вышли из областного автобуса. А на самом деле он вспомнил руки Печи. Смешные такие руки. Пальцы на них были с кругленькими подушечками-шариками. Почему он это запомнил — потому что у Печи была привычка чуть что говорить: «Давай руку!» — и эту самую руку протягивать, растопырив пальцы. Нет, ему лично она никогда руки не давала, он только видел, как Печа тянет её к другим. Двоечникам чаще всего. Говорила: «Не переживай, справимся. Давай руку, пойдём покажу, как вот это уравнение решается». Цап — и тащит к доске, стучит там мелом, объясняет. Придурку Епифанову, например. Тому самому Пифу, которого пацаны обычно с улюлюканьем гоняли по школе, заставляли забиваться в угол и там сидеть, размазывая слёзы и сопли. Печа его поднимала. «Давай, — говорила, — вставай. Что ты сидишь ноешь? Им же нравится, что ты их боишься. Да, ты один, их много, но ты всё равно не бойся. Смотри, вот дай кому-нибудь из них в пятакору. И спроси, кому следующему дать. Увидишь, как они испугаются...» Алексей не раз наблюдал подобные сцены. Издалека. Да-да, а однажды, устав уговаривать и тянуть несчастного Пифа за руку, Печаткина сказала примерно это же самое. Оно

не подействовало, Пиф привычно выл. И тогда она как-ак зарядила с ноги «вертушку» в сторону Петрова, стоявшего неподалёку, скорее всего, вообще просто так, не в качестве злодея. «Вертушку» она изобразила неумело, но уверенно, явно подсмотрела её в кино. Но всем и так всё стало понятно, особенно хулигану Петрову, у носа которого просвистел кроссовок. «Э-э-э, чего я-то?» — попытался Петров. «Авансик. Чтобы жизнь мёдом не казалась», — так ответила Печа и удалилась.

И осталось неизвестным, что и чем казалось Петрову, Ушкуйникову, Репину и другим, которые после девятого класса ушли из школы в ПТУ. А Печаткина и Алексей остались. Алексей работал на золотую медаль, занимался боксом, планировал поступить в военное училище.

А Печаткина?

— Све-та Пе-чат-ки-на, — помотав головой и шумно выдохнув, тоже по слогам произнёс Алексей и сел на корточки напротив Печи. — А ты где, как?

— Я теперь Козлова, — ответила Печаткина, — уже лет четырнадцать как.

— И что старик Козлов?

— На вольном выпасе. Мы жили с ним в областном центре, развелись. Я вернулась сюда. У Козлова уже есть наследник, малыш Козлов. А отец Козлов честно платит алименты, так что мы АГВ поставили, воду в дом провели, крышу поменяли. Мы на даче живём — я, мама и дочка. Квартира-то наша в центре — совсем беда. Там же печное отопление, воду на второй этаж ведрами надо носить, терраска покосилась — лестница набок. Да ты, наверное, и не помнишь. Мы же вместе не гуляли.

Алексей действительно не гулял с Печей, но дом её знал — всегда проходил мимо него, когда шёл на тренировку. В два кирпичных этажа, дореволюционный,

с высокими деревянными сараями во дворе. Деревянная двухэтажная терраска, пристроенная к дому, и тогда уже накренилась — все лёгкие строения на слабом фундаменте быстро «плыли» по местным песчаным почвам. Во дворах центральных улиц дети гуляли до глубокой ночи — прыгали по сараям, играли в прятки, жгли мусор у выгребных ям. Там была отдельная жизнь, интересная, яркая. Алексей жил в частном секторе, там залезешь на чей-нибудь сарай — и получишь граблями по хребту, да и до сараев не добраться — забор к забору. Пацаны собирались в гаражах, но Алексею было некогда.

Сараи и терраска вытеснили всё в голове Алексея. Он думал, что война не оставит его, как в прошлый отпуск. А тут вдруг Печа и детство. Алексей прижал ладонь к темечку — напекло северное солнце? Южное выдерживал, а тут поплыл. «Попустило!» — явилось слово, которое прилипло к нему недавно, видимо, местные ребята в часть завезли...

Печаткина, нахмурившись, печатала. Держала телефон двумя руками и стучала большими пальцами по экрану. Деловито мелькали круглые подушечки, замирали — Печаткина читала — и снова стучали...

— Мне пишут, что рейсовый автобус вернулся на автостанцию, — подняв голову, сказала Печаткина. — А что с такси?

— Нет машин досюда...

— Надо ловить попутку. Неизвестно сколько прождём. Алексей согласился. Такси могло нагнать их, не проблема.

— Давай сумку.

Печаткина поднялась, отступила от своей сумки, Алексей взялся за ручки. Армейский рюкзак ревниво съехал с леча.

Сумка оказалась очень тяжёлой.

В сторону города промчалась машина. За ней ещё одна — грузовичок с рекламой йогуртов на боках. Алексей остановился на обочине, увидел очередную легко-вушку, вытянул руку. Заметил, что там полна коробочка, руку опустил. Печатающая Печаткина со своим телефоном чуть не врезалась в него, сказала «ой».

Пошли дальше. Пропустили полицейскую машину. Алексей шёл, слышал, как за спиной у него Печаткина замедляет шаг. Оглянулся — читает телефон. Он остановился. Подождал, пока Печаткина пройдёт вперёд, — привык контролировать всех, кто в его зоне ответственности.

Печаткина пошла-пошла-пошла. Всё с телефоном. Алексей двинулся следом.

— Представляешь! — минут через пять крикнула Печаткина.

Алексей отметил, что она так ни разу и не назвала его по имени. Конечно, он тоже был её прошлым. А там, в прошлом, была какая-то странность. У них в классе мальчики вообще не дружили с девочками. Почти не разговаривали. В младшей школе такого не было, а вот как пошли в четвёртый класс, всё изменилось. Появилась атмосфера подозрительности. Если что — сразу толкались, обзывались, но быстро расходились, чтобы не нарваться на замечания. Девочки общались с девочками, мальчики, соответственно, друг с другом. За партами сидели так, как рассадила их классная руководительница, — мальчик с девочкой. Сидели, тщательно охраняли своё личное пространство. Даже не здоровались, помнил Алексей, с соседями и соседками, поутру придя в школу. Но наблюдали друг за другом. Алексей тренировал внимание, остальные тоже что-то тренировали, видимо. Так или иначе — но друг о друге все были неплохо осведомлены. Однако хорошо относиться ни к кому было нельзя.

Пожилая учительница как будто подмораживала отношения в классе. Наверное, ей так было легче — без страстей, но и без конфликтов по межполовому признаку. В итоге девочки булькали в своих сложных отношениях по-тихому, ну а драки мальчиков развивались по схеме: разняли, поругали, вызвали матерей гонителей Пифа — и снова тишина. Не было поводов кому-то нравиться. Хотя красивые девочки были отмечены сразу. Как и те одноклассники, у которых часто появлялись модные вещи. Печа была одной из двух самых красивых девочек. Но с чудниной. С активной пионерской позицией. Модных вещей у неё не было, но однажды ей купили дутики — такие сапоги из курточного материала.

Алексей шёл за Печаткиной, смотрел на её ноги. И вспомнил эти дутики. Вернее, ноги. Очень красивые ноги в дутиках — сапогах-шариках, как раз до середины голени, одно время они были популярны в их городке. Чудо региональной моды. Печаткина, видимо, тоже тогда понимала, что ноги у неё красивые, или просто радовалась своей первой статусной вещи. Так или иначе, но всю весну она проходила по школе в этих дутиках. Её ругали за отсутствие сменной обуви — впервые, наверное. В плане дисциплины строгая Печаткина была примерная. Но тут вот... Алексей тогда понял, что такое красивые ноги. Парты Печаткиной были далеко позади его парты, поэтому Печа всегда проходила мимо. Алексей смотрел, как она идёт. Ребята вытягивали ноги, пытались поставить Печаткиной подножку. И с удовольствием получали дутиком. Терпели молча или гыгыкая.

Ноги Печаткиной после этого не давали покоя. Алексей наблюдал их и в сандаликах, и в кроссовочках, и во всяком разном. Это были приключенческие ноги, к ним прилагалась настоящая жизнь. За ними хотелось бежать.

Они и сейчас оставались такими.

Алексей подошёл к Печаткиной. Перевёл взгляд с ног на лицо.

— Мне пишут, что наш мост упал... — сказала Печаткина — круглые глаза. — На мосту обрушение пролёта и опоры.

Алексей постарался вспомнить мост. На пути к райцентру он был один — через реку Важу. На Важе и стоял их город, столица района. Мост находился среди полей, между двумя холмами. Говорили, что там Важа глубокая и именно в этом месте водятся налимы. Так это или нет, Алексей не проверял, от города мост был километрах в сорока. Если и ловил рыбу, то на прудах или прямо за городским пляжем, у причала. Когда-то на Важе было судоходство. Пассажирское счастье на подводных крыльях — теплоходы «Заря», «Ракета»! Проплывали баржи с лесом, гудели буксиры. В речной администрации работал отец Алексея — пока они всей семьёй не переехали в Подмосковье, поближе к сыну-курсанту.

— Как мост упал? Как обрушился? В смысле?

— В коромысле. — Печаткина сопела. Видимо, была очень возмущена.

— «Поедешь венчаться — обрушится мост»?

— Ты чего прикалываешься? — Печаткина сурово нахмурилась. — Это единственный мост — больше никак не проехать к шоссе. Наша связь с цивилизацией.

— Ох, блин...

Да, захолустье есть захолустье, понял Алексей. И покосившаяся терраска, и печка в доме центра города, и единственный мост, старый, обветшалый, до которого никому не было дела...

Алексей вытащил телефон и кинулся читать новости. Телеграм-каналы по поводу рухнувшего моста в глубинке не говорили ничего. Официальные новости молчали. Нужно было найти местные ресурсы. Это всё знала Печа.

— А домой-то надо! Мне с утра на работу, — нахмурилась она.

Лицо Печи умело становиться жёстким. Это Алексей хорошо помнил. И не только в момент удара тапком по морде какого-нибудь Петрова. Как же она отстаивала пионерские принципы! И как это было ненужно. Как красиво она при этом выглядела! Это хотелось брать. Но как брать, никто не знал. В классе же не дружили.

А Печа не сдавалась. На неё не действовали даже комсомольские активисты, которые приходили её позорить и усмирять. Да, их выпуск оказался последними пионерами страны, на этих пионеров немножко хватило руководящих комсомольцев. Вялых, правда, совсем уж для галочки таких. Алексей, как он помнил, ради военного училища и в комсомольцы был готов вступить. По счастью, не пришлось. А что Печа?

Так вот, пионеров в середине весны отменили. Все с удовольствием поскидывали красные галстуки, а Печа одна продолжала свой носить. Она всегда ходила в школу в форме, и ей шёл галстук. До девятого класса она одевалась как все — в платье с фартуком, потом многие девочки стали ходить в синих пиджаках, и она тоже. Но запомнилась она Алексею больше в платье. И почему-то всегда, ещё с младших классов, у неё на этом платье не было воротника — вместо него узкая белая полоска вокруг шеи. Это выделяло Печу, хотя у некоторых девчонок тоже были такие платья. И если на остальных это выглядело просто — ну есть и есть, — то на Пече с её прямой спиной такое платье смотрелось как аскетичная монашеская форма. Но, чтобы не было свирепой строгости, видимо, галстук на Печиной одежде всегда слегка перекашивался. Чуть набок — и это было так по-боевому, лихо. Как будто Печаткина принеслась откуда-то с вихрем жизни. И скоро умчится дальше. А они, просто её одноклассники

с аккуратными воротничками, останутся тут — тихо жить в тихом мирочке.

А сейчас вот она, милое взрослое личико. Клетчатая китайская сумка. Как отреагирует Печа, если ей сделать «Чи-и-ичикова»? Замахнётся сумкой?

У-у, какая Печа!

Прижала телефон к уху — звонила маме. Убеждала не поливать в теплице, дожждаться её. Закончила разговор, с облегчением вздохнула. Деловито посмотрела на Алексея. Собралась. Сгусток энергии. Готовый бежать, терпеть, рвать, собирать. Старший сержант Кузьмичёв чувствовал это в своих лучших бойцах.

— Сейчас мы будем ловить машину.

Печаткина опять не назвала Алексея по имени. Но не очень-то и надо. Не детей же с ней крестить.

...Алексей не был в этих краях почти тридцать лет. А она жила здесь. Там, на Донбассе, бабушкам с младенцами на руках было по сорок пять лет. Чудно, конечно, — младше него, а бабушка. Дети-то этих бабушек воевали. Родят потомков, чтобы после себя что-то оставить, и опять на фронт.

Печаткина была бы там самой красивой. Алексей представил её с детишками. Но не бабушкой.

А тем временем Печаткина остановила машину. Договорились, поехали. Печаткина сидела в телефоне, то и дело фыркала: пропадал интернет. Беззаботный владелец машины вообще не отвлекался ни на какие новости, мост его не интересовал — он, как и договаривались, довёз их до поворота на село Лавочкино. И свернул направо. Всё.

Вышли. До моста было два километра. Так показывал навигатор. В подтверждение этого мимо Алексея и Печаткиной промчались кран с лебёдкой, две машины полиции

и ремонтная служба «Автодора». А потом показалось оцепление.

Да, зря они шли. Оцепление классическое: дальний радиус — тысяча двести метров.

— Поворачивайте, — сказали им.

Они повернули и встали.

Вернее, отошли на безопасное расстояние, да ещё чуть за холмик. И оцеплению не видно, и им спокойно.

— Пока чинить не начали, — сообщила Алексею Печа и продолжила говорить с кем-то по телефону. Давала хозяйственные распоряжения. В штуках, в метрах, смешных терминах. — Да, на ту сторону мы не перейдём никак. Ну что, отремонтируют, куда деваться...

Алексей ждал, когда она поговорит, слушал её. И думал.

Он не мог сказать о себе, что воевал идеально. Сначала курсант, потом коммерсант, в итоге — старший сержант. Но старался. Да уже злость разыгрывала: если не я, то кто? Часто в радиоперехватах приходилось слышать, о чём говорили враги. На чистом русском языке! Ну, иногда с комическими особенностями, но всё было понятно. Слушал Алексей, слушали рядовые и офицеры. Били этих врагов, брали в плен, фиксировали их отчаянное желание жить — и узнаваемые методы борьбы за эту жизнь. Когда они уезжали на разговоры со специалистами, наверняка вели себя иначе. Алексею очень хотелось посмотреть на это, выяснить — так что же всё-таки с этими людьми такое случилось? Но пока не представлялось возможности.

Алексей продвинулся как политрук. Никогда от себя не ожидал, но вдруг выяснилось, что он в подразделении самый образованный и подкованный. Многим, как показала жизнь, нужно было понятно объяснять «политику партии», потому что в головах даже хороших ребят

бывал информационный навоз. Алексей говорил, ему верили. Удивлялись: вон оно как, Михалыч... И менялись.

Когда-то он поступил в общеевойсковое командное училище, очень хотелось стать первым военным в семье. Отличник Алексей успешно учился, занимался спортом. Но это же были девяностые. Через год после продажи здешнего дома, гаража, машины и переселения в Подмосковье папа и мама Алексея лишились всего. Бандитский бизнес делил территории, так что дом, который купили его родители, оказался проданным им типа незаконно — объявился настоящий владелец, попросил убраться. И хотя предоставленные им документы явно были липовыми, все суды оказались на его стороне. Точно так же произошло с половиной посёлка, где стоял злосчастный дом, — даже очень давнее чьё-то имущество по документам оказалось не их имуществом и пошло под снос. Алексей потом приезжал туда, видел забор охраняемой территории, крыши особняков. Лес, озеро — всё ушло туда. А остатки посёлка захирели.

Кузьмичёвым нужно было искать средства на новое жильё. Алексей после второго курса покинул учебное заведение, начать решать проблемы родителей. Зарабатывать, вертеться. Так и втянулся. Родителей спас, бизнес наладил, бороду отрастил, женился. Жил себе в Москве счастливо.

Да, до последнего момента надеялся, что всё обойдётся, хоть и удивлялся, почему мы так долго раскачиваемся. Но раз у Родины проблемы — поехали решать. Он сбрил бороду, сделал армейскую стрижку. Бизнес остался на партнёре — молодом Игоре, который рассекал по жизни на инвалидном кресле. Бывший горный скейтбордист, он разбился, выжил, мозги и добродушие сохранил. С делами справлялся.

Жена Алексея подготовила базу для рывка за границу — комфортный мир её окружения рушился, она засуетилась вместе с друзьями. Поэтому свою первую политинформацию Алексей прочитал именно дома. Жена его пионеров не видела, но Алексея любила.

... Он представил жену с большой клетчатой сумкой, улыбнулся.

— Нам нужно перебраться на ту сторону, выйти опять на дорогу — и там такси хоть обвызывайся, — донёсся до Алексея голос Печаткиной.

Алексей кивнул. Как перебраться через реку? Нужно какое-то плавсредство. Или временный мост. Важа хоть не Волга, но река серьёзная. Алексей открыл в телефоне карту. Она показывала, что, если отойти на пару километров от моста вниз по течению, там имелось что-то наподобие брода, а на середине реки острова. Какое ж теперь судоходство, с такими отмелями и островами?

Печаткина поддержала предложение переправляться в том месте.

Они перешли дорогу. Грузовичок с йогуртами, недовольно зарывчав, завёлся, развернулся и поехал в обратную сторону. А столько стоял, ждал. На что надеялся? Что йогурты проскочат?

Алексей с удивлением пронаблюдал, как Печаткина подошла к чёрному мусорному пакету, прикрученному проволокой к столбу у дороги, вытряхнула оттуда содержимое — пару бутылок и упаковок, пакет сложила и засунула к себе в сумку.

— Ты чего ж, главный эколог школы, делаешь? — удивился Алексей.

— У нас экстренный случай на переправе. Мусор убрать — не проблема. А у меня в сумке очень ценные вещи, нельзя намочить. У тебя, думаю, тоже.

— Логично.

Двигались лугом. Высокая сорная трава, никаких тропинок. Никто сюда давно не ездил, не ходил. Печаткина шагала молча, раздвигала руками траву, обходила татарник. Вид его толстых острых игл был, конечно, устрашающим. О том, что эта вот жуткая фигня с пышными малиновыми цветами на вершинах называется татарником, сама Печа и сообщила, Алексей не помнил названия этого растения. Или даже никогда не знал. Татарник, татарник... Шёл и думал: «Наверняка эти листья с иглами назвали так в те времена, когда на Руси появились злые татары. А как до этого называли? Росло же это всё тут и раньше, не татары же с собой свой татарник привезли и рассеяли? Вот бы узнать...»

Но вместо этого он узнал, какой татарник на ощупь. Запнулся за переплетение травы, не успел выдернуть ногу, потерял равновесие — большого напряжения сил стоило ему удержаться и не упасть, но пышный татарник как раз оказался под ним, проткнул иглами колена, зацепил ладонь.

Печаткина поспешила на помощь, выдернула из ладони иголку, вытащила из сумки йод-карандаш. Алексей полегил им сам. Сказал спасибо.

— Да, — развела руками Печаткина. — Зарастаем.

— Ну так-то красиво, — улыбнулся Алексей.

— Тебе красиво, а наши предки что, зря старались? — хмуро проговорила Печа. — Лес отодвигали, еду выращивали. А теперь столько их трудов пропало. Дебри...

Что правда, то правда. Никто тут никакую хозяйственную деятельность не вёл, не сеял, не косил.

Алексей сразу вспомнил, как ездил по югу России — а там ведь всё не так! Каждое поле распаханно, вокруг ухожено. Понятно, чернозём максимально используется. А чем ближе к Центральной России — молодые леса

вместо полей, вдоль дорог сельские дома-заброшки с проваленными крышами, оплетённые бешеным огурцом и со сгнившими заборами. А уж что там, если съехать с дороги... Не чёрный зём в этих местах — и сельское хозяйство не нужно? А ещё с видом победителя растёт борщевик. Он был, наверное, полезным растением, но напоминал незваного иностранного специалиста. Здесь, на просторах малой родины, Алексей обратил внимание на отсутствие и специалистов, и борщевика, а в Подмосковье, вот правда, стоят эти борщевики с гордыми головами, ну чисто мигранты с семьями. И землю захватывают — уж какая есть, а их кормит. Поди выведи борщевик! И объявляли ему вроде борьбу, но до победы пока далеко. Да и возможно ли искоренить то, что уже появилось?

— Так что ж, получается, наша земля не нужна? — мысли Алексея нарушил голос Печаткиной. — Хлеб растёт в Краснодарском крае, помидоры в теплицах. А у нас пусть будут дебри? Зелёные лёгкие планеты? А что, народу у нас всё меньше и меньше. Кому вести хозяйство? У нас вот одни женщины и пенсионеры, где все мужики — не знаю. Или на вахте.

Так Алексей понял, что у Печаткиной никого нет.

Надо же.

...Луг потихоньку сменялся кустарником. А за кустарником — высокие ракиты. За ними — река.

Пробираться стало совсем тяжело.

Близился вечер. Длинные тени падали от деревьев на кусты. Кусты росли гуще и гуще. И вправо, и влево — примерно такое же всё и было. Не обойти. Только ломить вперёд. И неизвестно, что там ещё за брод.

Алексей, где мог, ломал, где топтал, где придерживал кусты — Печаткина, отобравшая у него свою сумку, чтобы у бойца руки были свободными, перехватывала ветки, отводила их. И шла.

В обозначенном месте брода не оказалось. Острова тоже. То ли на карте напутали, то ли воды в реке прибавилось.

— Ну что делать, пойдём по берегу, увидим подходящее место — переберёмся.

— Согласна.

Идти по берегу было непросто. Или деревья подходили совсем близко к воде, макая в неё ветви, или густой стеной рос рогоз. По-хорошему, нужно было хоть где-нибудь переплывать, сушиться и идти дальше — чтобы сильно не удаляться от дороги. Так что прошли они совсем немного, встали возле прогалины, среди деревьев — там, где чуть заметна была накатанная по грунту дорога. То ли и правда здесь съезжали к броду, то ли рыбаки когда-то останавливались.

— Ну что, раздевайся, солдат, будем форсировать, — предложила Печа и вытащила из сумки мусорный пакет. — Клади всё сюда.

Алексей заметил вдали у берега навес из жердей и мостки — значит, действительно кто-то тут раньше рыбачил. Подобрался к мосткам, сел, свесил ноги — ботинки чуть не доставали до воды. Вода бликовала, длинные водоросли с мелкими листиками змеились в ней таинственно и призывно. На воду можно было смотреть бесконечно.

Послышался голос Печаткиной:

— Плот! Ты смотри, плот! Иди сюда скорее!

Алексей с сожалением покинул рыбацкие мостки. Поспешил к Пече.

Она уже разулась и толкала на берег от зарослей рогоза плот — из довольно толстых брёвен, разъехавшийся в нескольких местах, но плот.

Алексей присоединился — и они вытащили плот на узкую песчаную полосу.

— Вот так рояль из кустов! Ну, рояль...

— Скотчем скрепим — у меня целая упаковка, я купила! — Печа расстегнула сумку и вытащила обойму рулонов скотча. — Положим на него пакет с нашими сумками и будем плыть, его придерживать.

— Давай.

Печа раскрыла упаковку. Скотчи покатались на песок. Печа начала собирать их, но бросила и с горящими глазами подскочила к Алексею:

— Слушай, а давай укрепим плот получше? Сядем на него и поплывём до города! Причалим на пляже — и по домам! Я всю жизнь хотела вот так вот, на плоту или на лодочке какой-нибудь, проплыть по нашей реке. Так и не случилось. Одна бы я не решилась. А мы тут с тобой... Давай?

«Какой плот, тётенька?» — хотелось Алексею сказать Печаткиной.

Он-то плавал по этой реке. И на моторной лодке, и на вёсельных. С плотом не случилось. Уже давно планировал со своими детьми на какой-нибудь рафтинг отправиться, да. Но это когда будет, а может и не быть. Никогда не быть. И дети сами когда-нибудь сплывают. А тут вот сейчас всё возможно.

— Ну давай, а? — продолжала Печаткина. — Это же приключение! Вдруг больше никогда и не...

Она запнулась. Наверное, испугалась — солдату такое не говорят. И Алексей постарался перебить её.

— Какая ж ты, Печаткина! — улыбнулся он.

Алексею даже показалось, что на его лице тоже появились ямочки, а щёки наползли на глаза.

— Ну чего «какая»? Давай? Ну давай!

— Да давай, конечно.

— Ы-ы-ы! — счастливо подвыла Печаткина, вытащила телефон, быстро в нём что-то написала. — Маме напишу, что задерживаюсь, но еду. Да ещё как еду!

... Времени, конечно, они много потратили. Намокший от соприкосновения со склизкими брёвнами скотч терял свою липкость, его приходилось скручивать лентами в несколько слоёв. Для достаточной ширины — чтобы двое могли усидеть — нужно было хотя бы несколько брёвен. Алексей и Печа искали по зарослям нетрухлявые упавшие стволы, недавней бурей их как раз наломало, тащили к берегу, сколько возможно, обстругивали, приматывали скотчем к основному массиву плота. Но сделали же! На маленьком плоту вполне можно было плыть.

Они столкнули плот в реку, Алексей разулся-разделся, влез в воду, проверил усадку.

— Искупаюсь в родной речке!

— Давай.

Алексей с брызгами вошёл в толщу воды, как любил в детстве. На берегу с хохотом закричала Печа — брызги и до неё долетели. Неторопливо поплыл. Будто проверял — та вода или не та? А какая она была раньше? Надо вспомнить. Не вспоминалось. Помнил просто, что вода и вода, река и река. Не такой он был тонкий знаток природы и собиратель впечатлений. Память подтянула из детства только прыжок с брызгами.

Спокойная река текла себе и текла. На середине до дна не достать, Алексей два раза погружался. Вот, значит, где они поплывут.

Ближе к берегу струились водоросли, их было видно на дне через толщу воды, и ноги в них путались.

Алексей замер, прислушиваясь. Перекликнулись коростели в прибрежных зарослях, плеснула невдалеке рыба. Тихо.

Как хорошо, что тихо. И очень-очень далеко от мест, где бомбят и стреляют. Бомбят и стреляют по нашей Родине — потому что давно собирались, но вот только

недавно начали. За тишину этих краёв Алексей бился там, на далёком беспокойном юге.

Ну а тут-то что, в тылу?

В тылу Печаткина. Вон она, снова отдаёт по телефону какие-то распоряжения. Ну командир!

Алексей улыбнулся. Многое из увиденного на фронте у него в голове не укладывалось. Он всё запоминал, но старался не анализировать, да и вообще не рефлексировать, чтобы не занимать голову излишней задумчивостью. Есть приказы, фронтовая рутина и управляемая жесть боя, иногда совсем неуправляемая. Лишь бы осталась цела по итогу эта голова, обдумать позже успеет. Но вот эти моменты — за что воюем и с кем воюем — понимал чётко...

Алексей лёг на воду, посмотрел в небо, перевёл взгляд на деревья, листву которых прошивали лучи заходящего солнца, косил глаза на примитивный плот. Перевернулся, нырнул, вынырнул. Вот за то, чтобы всё это — простое, косое, кривое, но родное, — продолжало спокойно жить, он скоро опять поедет биться. Простые, но чёткие формулировки всегда помогали ему в жизни.

Алексей подплыл к берегу, с сожалением вышел из воды — холодной, мягкой, чуть мыльной, как показалось.

Покрутил плечами, стряхнул ладонью воду. Ушёл с песка, на траве десять раз отжался, надел рубашку — дунул ветер, она затрепетала, дала телу обсохнуть. Натянул штаны.

Подошла Печа, бросила телефон в карман сумки, с трудом вытянула из неё прозрачный целлофановый пакет.

— Надо разрезать. — Печа растянула пакет за углы. — Подстелем под себя на плоту. Защита от воды.

Алексей вытащил из кармана нож, распорол бок пакета. Спросил:

— А что это такое?

— Это стропа, — ответила Печа, аккуратно укладывая плотные диски в сумку. Алексей увидел, что в сумке лежат ещё пакеты с такими дисками. — Очень дорогая, видишь, тут надпись сделана. Недавно придумали. Специально заказывали на ткацкой фабрике, я ездила забирать. Мы же маскировочные сети плетём. И шьём тактические носилки. Метр этой стропы теперь будем в каждое изделие вшивать.

Она размотала один диск и показала ленту стропы с картинкой в виде красного сердечка и яркими буквами «НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ».

У Алексея перехватило дыхание. Он вспомнил подсумки с этими носилками. Однажды он в таких обнаружил бумажную иконку и пупсика.

— Какая же ты деловуха, Света Печаткина, — проговорил Алексей, чтобы спрятать за иронией волнение.

— По поводу стропы или по поводу целлофана?

— Да всего.

— А чего, думаешь, не пригодится?

— Пригодится. — Алексей, улыбаясь, кивнул.

— Ну а чего смеёшься-то тогда? — Печаткина бросила целлофан, зачерпнула из реки воды, умылась.

— Слушай, а кем ты работаешь? — вопросом на вопрос ответил Алексей.

— Специалист по учёту и документации. Земельный кадастр... — сообщила Печа.

— А-а... — Теперь Алексей понял, почему она так интересовалась подробностями и деловито комментировала, когда он рассказывал про то, как родители судились за дом и участок.

— Бумажная работа, а бросить не могу, — нахмурилась Печаткина, — но надо переходить на полставки. Я по сетям и носилкам весь север области курирую. Машины собираем — и они от нас сразу в воинские части уходят.

Времени вообще не хватает. — Печаткина вздохнула, села на целлофан, связала тапочки шнурками и убрала их в чёрный пакет. — Времени, да... Хочется как можно больше успеть. Чтобы оно как-нибудь получше наступило. Будущее это время. Прекрасное...

Она неожиданно вскочила. Выхватила из сумки телефон.

— Люблю эту песню, — Печа шмыгнула носом, — часто слушаю. Сейчас — у меня в плейлисте есть.

Алексей не успел сказать ни да, ни нет, а Печаткина уже всё включила.

...Серебряный голос летел над водой. Ему подпевал хор каких-то таких достойных детей, что невозможно было поверить в то, чтобы из них вырос хоть один поганец. Там, в будущем, когда приблизится их прекрасное далёко...

А ещё подпевала, глядя на телефон, как на икону, Света Печаткина. Так прямо, со слезой — сама поёт и сама плачет.

У Алексея сдавило горло. Хорошо, что песня кончилась. Неужели люди до такой степени не меняются?! Печаткина оставалась абсолютно прежней Печаткиной. Вот же что было связано с её голосом — Печа всё время пела детские песни! Ходила по школе, по улице — и сама себе пела. Даже вот только что, когда делали плот, она бродила по кустам и пела про то, что кто ищет, тот всегда найдёт. И что-то находила, тащила...

— Как я любила в детстве это кино! — сказала Печаткина и зажмурилась, видимо удаляясь в воспоминания. — Нереальная девочка и весёлый разгильдяй. Я помню, мне нравилось в это кино играть. Смысл хороший там был: можно бегать и что-то искать, найти, активировать — чтобы в будущем всё было хорошо. Я даже сюжета не знаю точно, со времён детства не пересматривала...

— Да ты что? — Даже Алексей с детьми смотрел. И сюжет, конечно, помнил.

— Да, — кивнула Печаткина. — Не хочу испортить впечатление. Пусть так и останется в серебряной росе. Песню слушаю часто.

Она замолчала, а потом подхватилась:

— Ну что, поплыли?

Да, конечно, поплыли. Алексей понял, что поплывёт за ней куда угодно. Стало стыдно за насмешливые вопросы.

Печа в радостном возбуждении бросилась к плоту. Расстелила целлофановую плёнку, уселась с ровной спиной, стараясь, видимо, приспособиться к тому, как лучше сохранить равновесие. И принялась вглядываться вдаль, только что ладонь козырьком ко лбу не приставила.

Алексей закатал штаны, вошёл в воду, поставил возле Печаткиной чёрный пакет. Осторожно сел рядом. Оттолкнулся шестом — самым прочным дрыном, который ему только удалось найти и обработать.

Отталкивался ото дна до тех пор, пока дрын полностью не погрузился в глубину. Течение подтянуло плот на середину реки, подхватило, понесло. Довольно быстро.

— Плывём! Плывём, Кузьмичёв, плывём!

Алексей пристроил шест рядом с собой, скрученным в несколько лент скотчем постарался закрепить — важная вещь, нельзя потерять. Сделал последний виток, затянул скотч узлом для надёжности, склонился над краем плота, стараясь надкусить скотч и надорвать, — плот чуть накренился, чёрный пакет поехал в воду, Печаткина бросилась за ним. Пакет спасла, а сама булькнулась в речку.

Плыла, держась за плот, фыркала и хохотала.

— Давай руку, давай! — крикнул Алексей. — Вылезай, вода холодная.

Он ведь уже и забыл, какой холодной летом бывает река его родины. А недавнее купание напомнило.

— Да мне тут нормально, — из весёлого глаза Печи текла чёрная тушь, светлые волосы прилипли к черепку, — но если этот пакет будет чуть что вот так елозить, мы с ним чокнемся. Давай прикрутим скотчем. Прямо вот крест-накрест.

— Ну, давай попробуем.

Алексей прилепил скотч к пакету, передал его Печаткиной в воду. Она поднырнула под плот, вытащила руку со скотчем с другой его стороны. Алексей принял его, снова сделал виток, прижимая клейкой лентой пакет к плоту. Клеится лента, конечно, перестала, перекрутилась, за-капризничала.

И тут Печаткина закричала:

— Э-э, стой, там же мой телефон в сумке! И наша еда. Надо вытащить!

— Что за еда?

— Три шоколадки. Подруга передала гостинец — маме, Кате и мне. Как раз бы наш сухпаёк.

— Да ладно, потерпим. — Алексею так не хотелось возиться с пакетом. И без еды он мог обходиться долго. Но сейчас-то с ним дама. Он спохватился: — Но конечно-конечно, сейчас достану!

Алексей отклеил только что прилепленную ленту, начал развязывать пакет, который Печа с такой старательностью закрутила. Понял, что так не справится, полез в карман за ножом. Печа тоже поняла, насколько это сложная задача. Поменяла вводные:

— Ладно, действительно потерпим. И привязывать давай не будем. Если плот перевернётся — мы мешок хоть как-то ухватим. А отрывать его от брёвен — сам понимаешь...

Алексей подумал, что мешок-то они не ухватят, а по любому утопят. Уж очень тяжёлый. Но спорить не стал.

— Вылезай тогда.

Придерживая пакет одной рукой, Алексей долго тянул Печаткину из воды. Она старалась лезть очень осторожно, чуть плот качнётся, соскальзывала в воду — мало ли что. Но выбралась.

Села, тяжело дыша, но не забывая контролировать равновесие.

— Я не буду суетиться, — вытерев лицо ладонью, пообещала Печа. — Честно. Вижу, что утомила.

Дунул ветер, она покрылась мурашками. Вся, даже щёки.

Алексей торопливо снял с себя тактическую рубашку, протянул Пече:

— Надевай, надо сразу согреться.

— А ты?

— Не суетиться же обещала?

— Ладно. Отворачивайся тогда.

— Как разденешься, ладонями стряхни воду с тела, — посоветовал Алексей Пече, — вытираться почти не придётся. Всё равно нечем.

— Спасибо.

Алексей отвернулся, но крепко взял Печаткину за ногу выше колена.

Слышал, как она шлёпает и плюхает — видимо, делает, как он сказал: возит по себе руками, сгоняет воду. Как пытит, одеваясь, как отжимает в речку платье.

— Ну, всё.

Алексей повернулся. Печаткина сидела в его рубашке, трикотажная её середина прилипла к телу. Значит, всё-таки недовытерлась.

— Какой ты разный! — воскликнула Печаткина, вскинув руку и сбив процесс разглядывания.

— В смысле — разный?

Печаткина показала пальцем на шею и на плечо Алексея.

— А, в этом плане, — усмехнулся Алексей.

Да, шея и лицо у него были очень тёмные, жили своей отдельной пляжной жизнью.

— Вот он какой, южнорусский загар!

— Так точно.

Плот больше не качался, плыл себе и плыл.

Они сидели и смотрели друг на друга.

Алексей порадовался, что остался жилистым, мышцы качал, но подсушивал. А на войне вообще всё лишнее сгорало. Так что показаться Пече было не стыдно. Неровный шрам от плеча к груди, правда, портил картину.

— Ранение? — Печаткина подушечкой пальца провела по шраму.

— Осколок, да. Функциональность полностью восстановлена.

— Отлично.

— Да. Отлично.

Можно было в любой момент причалить, развести костёр. Дождаться утра. Вместе мужчине и женщине холодно не будет.

Время, казалось, остановилось.

— Тебе надо... одеться. — Печа потянулась к пакету. — Придётся его открывать. Вытаскивай всё, что у тебя есть тёплого. Нам пригодится. Ночь скоро.

— Да.

Алексей поймал сердце, которое ускало биться в район этого чёртова шрама. Вы-ыдох.

Печаткина чуть отодвинулась. Алексей достал нож, долго отвлекал себя, возился с пакетом — их писаной торбой.

Достал джемпер, куртку. В куртке были документы.

— На.

— Джемпер ты надевай.

— Но посмотри, какая ты мокрая, с волос капает...

— Надень.

— Печаткина.

— Светлана Геннадьевна.

— Ну дай солдату побыть джентльменом, Светлана Геннадьевна.

Печаткина хихикнула. Напряжение спало.

— Давай смотри как сделаем: ты надеваешь джемпер, я сижу в твоей рубашке, а куртку мы вместе наденем.

— Как?

— Ну, не наденем, а накинem. — Печа потрянула его армейской курткой — и Алексей перестал дышать: но, к счастью, из карманов ничего не выскочило. — Сядем вот так, спина к спине, куртку вот так по плечам разложим. Так и согреемcя, и вообще будет поровну и честно.

— Ну давай. Только разложим именно джемпер.

— Как скажешь, командир. Тогда давай попробуем и платье высушить — насколько получится. Мне в нём домой идти.

— Давай.

Алексей разрезал скотч, которым только что прикрутил шест к плоту, наверное, минут двадцать пристраивал его, раздвигая пригнанные друг к другу брёвна. И так, и эдак ухищрялся, обстругивая его и устанавливая. На шест повесил платье, прикрутил скотчем — оно тяжело заплюхало по шесту на слабом ветру.

Они с Печей осторожно развернулись. Сели так, что вперёд теперь каждый смотрел, повернув голову. Печа вправо, Алексей влево.

Пакет с вещами лежал перед ними, в дырн с платьем можно было упереться плечом.

Солнце уже зашло, долгий закат не давал темнеть небу, но прибрежные деревья своими тенями делали воду чёрной.

Алексей замер. И старался не шевелиться. Спина Печаткиной была тёплой, мягкой и твёрдой одновременно, как ось мира. Течение несло плот, можно было взять телефон и посмотреть, с какой скоростью они двигаются. Но Алексей боялся разрушить волшебное состояние. Двигаются и двигаются.

Печаткина пообещала не суетиться, поэтому тоже молчала. Она всегда в школе держала слово и заставляла это делать других. Другим, как помнил Алексей, было на это плевать. А она держала.

Стало ещё темнее — проплывали, видимо, по лесу. Река сузилась, деревья низко наклонились над водой. Всё явственнее слышался звук речного переката. Интересно, выдержит плот? Если его разнесёт, значит, всё-таки придётся выбираться на берег и ночевать. В лесу.

Поздняя кукушка долго-долго старалась вдали. Хорошо, значит, и жить им долго.

Вода зашумела ещё ближе и звонче.

— Дай руку, — сказал Алексей. — На перекате плот может порвать, если будет совсем мелко. Я скажу, что делать.

Печа вложила свою руку в его. Алексей поднёс её поближе к глазам, посмотрел, потрогал незабываемые круглые подушечки.

— Руки у тебя как в детстве, я их помню...

— Лучше посмотри, какой я маникюр сделала, пока ждала стропу, — горделиво прошептала Печаткина.

Алексей одобрительно покивал, постучал по кисельно-розовым коротким ногтям.

— Я же на работе документы выдаю, надо, чтоб красиво.

— А ты... — начал Алексей, но шум воды отвлёк его.

Это был не перекат. В Вазу вливалась, бурно сбегая по камням, быстрая лесная речка. Печаткина чуть наклонилась, чтобы лучше видеть её, плот качнулся, Печаткина

стиснула руку Алексея и скорее вернулась в исходное положение. Прижалась спиной, глубоко вздохнула.

Плот выровнялся, подхваченный быстрым течением, поплыл дальше. Оставался вдали напрасно пугавший шум, потихоньку рука Печи разжималась. И наконец выскользнула из ладони Алексея.

— Давай поедим?

И из складок чёрного пакета Печаткина достала две шоколадки «Алёнка».

— Ты ж говоришь, это подарки.

— Ничего. — Печаткина зашуршала обёрткой. — Ты ешь мою шоколадку. Я съем мамину. А Катина будет стратегическим запасом. На, я тебе уже развернула.

Никогда Алексей не ел столько шоколада, как на фронте. И кофе с сахаром не пил, да ещё растворимого. А там глушил. И тут опять шоколадка — из рук Печаткиной. Что ж, вовремя.

— Если не хочешь, не отвечай... — осторожно начал Алексей. — А почему вы развелись с твоим Козловым? И кто он вообще, как к тебе попал?

Алексей ощущал спиной, как Печа грызла и жевала шоколадку. Активно двигались челюсти активного человека. Алексей задал серьёзный вопрос, но, почувствовав эти активные челюсти, очень хотел засмеяться.

А Печаткина тут же перестала жевать.

— Я же работала в Росреестре. Как техникум в областном центре окончила, так и распределили в этот Росреестр. Занималась кадастровым надзором. Участки, помещения. Сидела в конторе. Козлов приходил туда по своим бизнесменским делам. Ну, меня очаровал. Он думал, что раз я самая там молодая, то, значит, самая бизнес-ориентированная. Споёмся. Ему тяжело было, всё украдено до него, всё поделено... Он азартный, очень обижался. Мы хорошо жили, весело.

— Ну а чего расстались?

— Он правда думал, что заключает выгодный брак, — Печаткина вздохнула, — но, получается, ошибся. И нам стало скучно. Развелись. Мы с дочкой вернулись к маме. Я устроилась на работу по специальности. Ну и вот, сижу в конторе.

Печаткина замолчала. Алексей не видел её лица. Она что-то высматривала на тёмном берегу. Или в мыслях своих блуждала.

Печаткиной так много, что, как сейчас вдруг понял Алексей, в школе это не могли осмыслить. Ей нужен был бы в мужья какой-нибудь губернатор — который давал бы супруге неограниченную возможность радеть за общее дело, трудиться на благо государства. И умудрился бы не дёргать по мелочам. Вот она бы развернулась — и его бы воспитала, и целую губернию, а там и на федеральный уровень вышла... Алексей усмехнулся в темноту. А Печу пионерами пугали, устраивали разборки нестандартного пионерского поведения — она то и дело проявляла активность, которая была, может, и интересная, но не по плану. В классе должен был быть один царь, и царём была учительница. И она усмирляла деловую Печаткину руками товарищей — устраивала сборы совета отряда, что-то вроде показательных судов. Алексей не раз присутствовал на этих шоу. В десятом классе пришла другая руководительница, молодая, вела химию и к химической троечнице Печаткиной претензий не имела.

Печаткина! Она сидела, чуть запрокинув голову и положив её на плечо Алексея. А Алексей понимал, что за спиной у него человек-жизнь. Концентрат жизни. С Печей хотелось брать весь мир, закручивать его вокруг себя, радоваться и кричать: «Смотри, Светлана Печаткина, как я жизнью кручу-верчу! Это ты меня побуждаешь делать —

и это всё для тебя!» Вокруг счастливым вихрем кружились бы страны и народы, и всем бы было хорошо.

Алексей хотел сказать: как жалко, что мы с тобой в школе никогда не разговаривали. С тобой так интересно, Печа.

Уже даже набрал воздуха в лёгкие, чтобы сказать про никогда. Но тут сам же открыл коробочку памяти, которую много-много лет запрещал себе даже вытаскивать на свет.

Да потому что разговаривали!

Они разговаривали. Однажды. На выпускном.

Небо потемнело, взошли звёзды, Алексей похолодел под курткой, надетой на голое тело. Даже вздрогнул. Вздрогнула вслед за ним и Печаткина.

— А помнишь, мы с тобой танцевали на выпускном?

— Помню, — прошептала Печаткина. — Два раза.

Из открытой коробочки вылетело белое привидение.

Света Печаткина на выпускном была удивительно хороша. Всё белое, всё. И платье, и туфельки, и перчатки в сетку.

— У меня платье было красивое... Мы его с мамой в Ленинграде купили. Когда ездили смотреть, как он Петербургом стал. Зашли в их магазин «Гостиный Двор». А там этих платьев! Шёлковых, отечественных, совсем дешёвых. Никому не надо, а мы взяли. Всем шили, девочки ходили на примерки, волновались. А я своё из гардероба вытащила и пошла себе на выпускной.

В спортзале, где после вручения аттестатов и обязательного застолья была дискотека, Печаткина оказалась случайно. Сказала, что ей было скучно, но очень интересно, что же дальше. Поэтому она не уходила домой, а слонялась по школе. Тем более что обещали встречу рассвета на набережной. Утро новой жизни, здравствуй, это мы.

Печаткина просто стояла в спортзале. Очень красивая — и скоро пропадёт с горизонта. Так, увидев её,

подумал Алексей. Он следил за ней весь выпускной. Старался сохранить в памяти.

А когда тоже оказался в спортзале-дискотеке, подошёл и пригласил Печаткину на медленный танец. С ней никто не танцевал — в десятый класс из мальчиков пошли одни заморыши и Алексей, борец за медаль, уважаемый человек. Все борзые ушли в ПТУ и техникумы.

Интереса ни для кого красивая Печа не представляла. Параллельный класс активно танцевал и влюблялся, а их подмороженный вёл себя никак.

Она пошла танцевать. Алексей держал её за шёлковую талию. Перчатки приятно шуршали по плечам его пиджака.

На её лице было удивление, она смотрела в глаза Алексею. Но ничего не говорила. Пока он не заговорил сам.

Он помнил все эти несколько предложений, которые они тогда сказали друг другу. Наверное, пару тысяч раз Алексей впоследствии спросил себя: почему они так мало говорили? Почему он тогда вещал только про себя — что уезжает в Москву поступать в военное училище, что будет одиноким волком. Про какого волка он нёс тогда и зачем? Ждал, что она скажет: «Давай, ты не будешь одиноким, я поеду с тобой»? Да с какого перепуга девчонка так скажет, если они всю жизнь были друг другу никто и никак? Печа ведь не дурная.

Почему не спросил, чего хочет она? Какие планы, куда поедет учиться. «А-а...» — получив информацию об одиноким военном волке, протянула тогда Печаткина. И всё. Это вот что значило? Спросить бы тогда, тогда...

Как она могла догадаться о том, какие у него были планы? По четыре предложения во время каждого из двух танцев — вот и всё общение. Они, конечно, ничего не выяснили и ни о чём не договорились. После медленного танца начался быстрый, Печаткина куда-то пропала.

Алексей помнил, что довёл её до стеночки с натянутой сеткой, где Печаткина до этого стояла. И всё.

— Эй, ты спишь? — осторожно спросил Алексей, прервав долгую паузу.

Он рассказывал обо всём этом. Про сетку перчаток и сетку спортзала. Добавил, что в зале была развешана светомузыка, её огни играли на белом платье Печаткиной. Они тоже как будто звали. И он тогда не мог не подойти...

Рассказывал Алексей, рассказывал. То, что столько лет держал в тайнике памяти. И только сейчас опомнился — Печаткина-то ведь всё это время молчала! И головой не крутила. Правда, что ли, уснула?

— Я не думала, что ты это помнишь, — тихо сказала она.

— Очень помню, да.

— А смысл? Я тоже помню. Сто лет прошло, а я помню, кажется, по секундам. Меня пригласил! Ты! Зачем? Ты — медалист и гордость школы. Такой аккуратный, такой чистенький. Это было вообще непонятно. Но такая честь!

— Да ты чего...

Алексей хотел сказать «Печа» — и не смог. Это словочудилка не подходило моменту. А до «Светы» их отношения ещё с первого класса не доросли.

— В меня на всю жизнь это такую гордость вселило, — Печаткина подняла голову, — я поняла, что надо тоже быть чистенькой, аккуратненькой. И в одежде — раз ты именно за моё платье держался...

Печаткина сжала руками свою талию.

— Я, кажется, до сих пор это чувствую. И это, знаешь, меня по жизни тоже держало. Чтобы и внешне себя блюсти. И главное, в поведении. Достоинно.

Печаткина убрала руки, зашуршала пакетом. Затихла.

Молчал и Алексей. В голове его стояли слёзы. Другие, не фронтовые. Ну почему так всё? Что это тогда было? Почему ушло в никуда?

Перед рассветом оба класса — и «А», и их «Б» — вышли на улицу. Медленно брели по городу. Пацаны из «А» класса тихонько разливали шампанское, Алексей видел, но не присоединился, просто шёл. Видел Печаткину — она держала под руку двух девчонок. Одна шла босиком, ухватив босоножки за ремешки, другая ковыляла на каблуках. Печаткина тоже была на каблуках. Но шагала, конечно же, ровно. Потом с «А» классом они разделились — те отправились переулком к кому-то домой за спиртным. А «Б» класс отправился центральной улицей до набережной. Почти не разговаривали, просто шли, раз такой ритуал прощания с детством. Примороженные чужие. На набережной подтянулись ашки. И взошло солнце, и все радостно кричали, кто-то обнимался. За кем-то пришли родители, остальные разбрелись по домам самостоятельно.

А через день нужно было быть в школе — забирать документы. И Алексей увидел Печаткину. Все по очереди подходили к столу учительницы, получали, что им там требуется, отходили. Алексей получил одним из первых. Сел за первую парту. Вошла Печаткина. Это всё тоже сейчас как живую стояло у Алексея перед глазами. Рассказать Пече? Что причёска у неё была почти что та же — видимо, Печаткина её берегла, ведь это наверняка в парикмахерской такую красоту сделали. И туфли на каблуках те же. Костюмчик светлый с короткой юбкой. Такая хорошенькая.

Она увидела Алексея, улыбнулась. До сих пор его не оставляла уверенность, что тогда во взгляде её было ожидание. Или не было — и это он себе накрутил уже позже? Ведь тогда он хотел сказать «Привет» — но до этого-то никаких приветов не было, если начинать приветкать сейчас, то тогда что-то дальше должно быть? А тогда ничего, он просто проводил Печаткину взглядом. И она ушла.

— В первые зимние каникулы я приехал к родителям, — тихо проговорил Алексей, но Печаткина всё равно дёрнулась. Потому что молчали уже давно. — Я пришёл на встречу выпускников. Я ждал тебя. А ты не пришла. У девчонок даже спрашивал, где ты, а...

— А я не знала... И что вообще на эту встречу кто-то ходит, — шептала Печаткина. Алексею показалось, что ей больно говорить. — Я сидела у себя в общежитии. А про то, что ты приходил на эту встречу, мне только года через три сказали. И я пошла на следующую встречу выпускников — но на неё одни придурки заявили, так что я до сих пор на эти встречи не хожу. И не знаю, они проводятся ещё или нет. С кем общаюсь из наших, с тем и так общаюсь.

— А я больше не приезжал. Как родители дом продали, я в городе не появлялся.

— Кстати, недавно тут была наша Леся Голомаз, помнишь её? Тоже квартиру родительскую продавала, сама больше года как в Хорватии живёт. Я иду по площади, навстречу она с нашими девчонками. Встречу отмечали. Увидела меня, лицо так благородно сморщила. «Ну что, спонсируешь войну?» — мне такая говорит. У меня сумки большие были с раскрытым пятиточечников. Ну, убежантка она хорошая оказалась, по пятой точке я ей успела сумкой навернуть. Даже слов на эту Лесю тратить не стала.

Алексей усмехнулся, представив, как давно забытая Леся делает ноги после удара сумкой.

— А девки наши с ней по всему городу прокатились. Во «Вконтакте» выкладывали: и в парке с Лесей фотографировались, и у загса, и за городом — у моста. Охота ж была в такую даль переться.

— Ну любит человек ветхие постройки родного края, — усмехнулся Алексей.

— Какие ветхие: загс после ремонта, а мост вообще новый! По нему машины армейские ко мне за волонтеркой гоняют. А про родной край ты правильно угадал: пост у неё назывался «Люблю природу родного края». Глумилась, конечно. Какой загс — природа? Нафотографировалась Леся и уехала. Любит теперь издали.

— И сколько их таких. Почему? Мы же все вместе учились...

— Ну... — Печа больше ничего не сказала. Долго молчала и спросила: — А ты правда меня ждал?

— Да.

— Зачем?

На этот вопрос невозможно было ответить. И «просто пообщаться», и «посмотреть, какая ты», и «понять, на что можно рассчитывать» — было бы правдой лишь отчасти.

Алексея вела тогда смутная надежда. Ему нравилось в училище, он был горд собой. Приехал в город блистательным курсантом, в школу пришёл в форме. Его тянуло к удивительной Свете Печаткиной. Отец, мнение которого Алексей более чем уважал, несколько раз её видел. Назвал качественной, настоящей. Этого было достаточно. Но ничего не сложилось. Печаткина не пришла.

И он понял, что не судьба. Больше никогда Печаткину не искал.

Но почему? Да, жизнь закрутила, долго было не до девчонок. Упустил Печаткину. Коробочку с памятью захлопнул, спрятал. Казалось, что попадётся ещё кто-то лучше, жизнь длинная. Раз не сложилось, надо идти дальше, искать. А интересная Печаткина стала бы со временем утомительной Печаткиной... А может, и не стала бы. Но теперь не проверишь.

Всё прошлое — уже «бы». И сейчас всё тоже хорошо.

— Сколько времени?

Алексей посмотрел на телефон. Отметил, что появилась сеть, а то долго вообще не было.

— Второй час.

— А где мы сейчас примерно?

Навигатор показывал, что ближайший населённый пункт Прошинка — Печа с пониманием кивнула. И что движение со скоростью семь километров в час. До заданной точки маршрута примерно двадцать пять километров.

— Надеюсь, к утру будем.

— Хорошо. — Печаткина зашуршала фольгой шоколадки. Через некоторое время сказала: — Пить очень хочется. А тебе?

— Да, тоже.

— Давай прямо из реки пить, — предложила Печаткина. — А домой приедешь, закинься парой таблеток от кишечных инфекций.

— Да уж знаю.

Печаткина дёрнулась, оторвав спину от спины Алексея. И тут же вернулась обратно.

— Слушай, с левого борта вода не та... — пробормотала она. — Зачерпни мне аккуратненько со своего. Дотянешься?

Алексей хотел пошутить, что вода и с того борта, и с этого одинаковая. Но тут понял, что если он сейчас изменит положение, начнёт возиться, тянуться, то всё тоже изменится.

Плот проплывал среди равнины, вдали светил одинокий фонарь. Алексей зажмурился, но свет этот, казалось, жёг сквозь веки. Будто Бог показывал — я подсвечиваю и всё вижу. И в мыслях, и в чувствах.

А Печаткина мудрая.

— Ну-ка, наклонись-ка в мою сторону, — скомандовал Алексей.

Печаткина чуть навалилась на него, он зачерпнул ладонью воды, поднёс к губам Печаткиной. Она выпила. Алексей прижал опустевшую ладонь к её лицу, зажал рот, только нос оставил. Печаткина выпрямилась, Алексей вслед за ней. Так и сидели.

Они плыли на восток, где ещё было темно, но не так черно, как привык видеть Алексей ночью в своих фронтовых краях. Это было хорошо, как будто людям давался небесный шанс. Который каждый мог использовать по своей необходимости.

— Ещё? — спросил наконец Алексей.

Печа кивнула.

Алексей снова наклонился, Печа одновременно с ним. Зачерпнул воды, поднёс ей.

— Спасибо.

Алексей попил сам. Высушил руку, достал телефон.

Достала и Печа. Телефон у неё был завернут в пакетик и завязан. Печа очень дорожила своим незатейливым телефоном.

— Нет сети.

— А у меня то есть, то нет. — Телефон Алексея был мощнее и новее.

— Ну ничего, мама меня ждёт только утром, — успокаивая саму себя, проговорила Печа.

Алексей скосил глаза на её телефон, вспыхнувший экраном и уже погасший. Тот телефон, который подарил встречу с музыкой светлого будущего.

— Слушай, а помнишь, ты, когда плот чинили, пела, — оживился Алексей. — Про ветер. А можешь сейчас, пожалуйста.

Печа не стала стесняться. Запела. В холодной темноте раздавался её звонкий голос. И нёсся он далеко-далеко. Во все края.

Когда она набирала воздуха, Алексей чувствовал, как старается ребристая спинка. Понятно, что через слои одежды ребристость ему только казалась, но было трогательно.

И шорохи ночные, и кто хочет, тот добьётся, и радость боевых побед — всё, всё в исполнении Печаткиной было настоящим. Она звала побеждать, звала догнать и перегнать. И при ней всё это казалось возможным. Слушай звонкий голосок, иди и делай.

Песня была длинная, Алексей слушал и думал. Пройдёт ещё несколько часов, он сойдёт с этого плота, и его встретит жена. Любимая жена, хорошая. А у Светы Печаткиной, скорее всего, уже никогда никакой любви не будет. Без любви Печа жить ни с кем не станет. А где её найти, эту любовь? Печаткина вскользь бросила, что она бы с удовольствием, но на такое чудо не рассчитывает. И даже не потому, что все лучшие на фронте. Должно всё счастливо совпасть, а как оно тут совпадёт? Жизненной энергии созидательного счастья у Печи заложено на огромную семью — ну вот не получится. Везение нужно. Будут у неё мама, дочка, позже — дочкины дети. Как же так получается? Это он, Алексей, виноват, что всё тогда не сложилось? Или всё же судьба?

Печа показывала в телефоне фотографию своей дочки. Очень похожей на саму Печу. Старший сын Алексея — как раз её ровесник. Вдруг, подумалось Алексею, раз не поженились они, так дети поженятся. Если дочка характером не в Козлова, то такую породу нужно хватать. Хотя ещё неизвестно, может, там и Козлов чего хорошего добавил...

Печа уже давно замолчала, а в голове Алексея её песня всё слышалась, слышалась.

— Сколько нам ещё ехать?

— Отсюда и до рассвета, — пошутил Алексей.

— Но мы не проедем? Ты следишь за навигатором?

— Слежу, конечно.

— А если я посплю?

— Давай.

Печа вытащила ноги из воды, села по-турецки. Подождала, пока перестанет колыхаться плот, положила голову Алексею на плечо, глубоко вздохнула.

— Спокойной ночи.

...Алексей долго сидел неподвижно, боялся потревожить Печу. Плеснула волна, он успел поймать её в горсть — той самой рукой, которой сжимал недавно губы Печаткиной. Эту воду любимой реки он прижал к своему лицу. Стекали капли, падали ему на грудь, смешались со слезой, которая выкатилась из его глаза. Она одна и выдала миру ту бурю чувств и мыслей, что бушевала в нём.

Становилось всё светлее, по берегам лежал туман. А на чёрном пакете хорошо был виден розовый кисельный маникюр трудовой руки Печаткиной. Алексей смотрел и смотрел на эту руку. Пока не заметил, что плот замедляет движение, дёргается, видимо, за что-то цепляясь. Оглянулся — шест, который так нужен был для того, чтобы благополучно причалить к берегу, сильно накренился и цепляется платьем за кусты. Река тут снова стала узкой, с многочисленными поворотами.

Конструкцию надо было спасать, да и Печаткина не могла прийти к маме без платья.

Пришлось её будить.

— Мы уже приехали? Уже приехали? — мультяшным голосом поинтересовалась Печаткина. Проснулась и сразу шутить. Вот молодец.

Они вместе дёрнули шест. Платье отцепилось. Алексей выдрал шест из плота, прорвал, правда, целлофановую подстилку — ну да уже недолго оставалось плыть. По навигатору выходило, что минут сорок, даже с поправкой на замедление скорости течения.

— Не высохло, — огорчилась Печа. Впрочем, не сильно. Она принялась махать этим платьем, но чуть снова не упала в воду. — Ну и ладно.

Алексей решил позвонить жене уже тогда, когда окажется на берегу. Пусть она его встречает на центральной площади — Алексей скажет, что его подбросили на машине, сюрприз, встречай. Так будет спокойнее всем. Где дядькин дом находится, он, конечно, найдёт, придёт и постучится, разбудит спящее семейство. Но он знал свою жену — ей так будет приятнее. Встретить.

И тут забулькал телефон Печи. Появилась сеть — и в него посыпались сообщения.

Печа зашуршала пакетиком, уставилась в экран.

И стала такой твёрдой — вот как будто правда окаменела. Алексею было с чем сравнить.

— Что?!

— Мост наш упал не сам, — громко прошептала Печаткина и принялась читать из телефона: — «Беспилотный летательный аппарат сбросил взрывное устройство...»

— В смысле беспилотный летательный? — Алексей похолодел. — Где ты это читаешь?

— Наш местный ресурс.

Тишина нарушилась новым сообщением в телефон Печаткиной. Вот тебе и тишина. Алексей вздрогнул. Война настигла его и здесь.

— Как это возможно? Откуда должны поднять беспилотник, чтобы он досюда долетел?

— Ты у меня спрашиваешь?

Прилёт, прилёт, прилёт... С этим словом Алексея несли ноги к ближайшему укрытию. В момент, когда над ним зависал в небе дрон, душу Алексея наполняла парализующая тоска. Пугали они, конечно, и летящие куда-то мимо, но когда аппарат висит именно над тобой, хочется бежать к ближайшему лесу, пусть даже земля до него вся

в растяжках. Может, ещё повезёт не попасть на мины, но проклятое это беспилотное устройство...

Алексей плеснул в лицо воды, отгоняя подкативший кошмар, помотал головой:

— Да этого не может быть! Ты понимаешь, где мы?

— Я — да.

— Но это уже точно?

— Да точнее некуда! — рявкнула Печа. — Мне уже все написали. А я только получила...

Алексея бросило в жар. Он опустил ноги в воду, тут же убрал — померещилось, что в чёрной воде проплывает морская мина. Встряхнулся, пытаюсь убрать наваждение. Вот тебе и старый мост, сгнило, упало... Новый!

Почти полтысячи километров от Москвы на северо-северо-восток! Вот уже куда прилетело.

— Беспилотник! — Печаткина яростно смотрела в телефон. — Мост разбомбил. У нас!!!

— Что ещё пишут?

Печаткина начала читать. Телефон её пискнул, сообщив, что хочет разрядиться.

Алексей написал жене. Сообщение быстро оказалось прочитанным. Его верная солдатская жена всегда держала телефон возле себя, днём и ночью.

«Спим, всё отл»...

От сердца отлегло.

Но сколько этих беспилотников вылетело? Куда прилетели или прилетят ещё? Есть ли кому тут всё это сбивать?

Алексей смотрел на Печаткину. Она напряжённо уставилась перед собой. Алексею казалось, что она изо всех сил сдерживает себя, чтобы не прыгнуть с плота и не броситься в плавь — лишь бы поскорее оказаться рядом со своими родными. Да и ему самому хотелось поступить так же.

Но они сидели. И продолжали плыть. Медленно, молча, в едва выносимом ожидании.

Алексей тщательно прислушивался — старался уловить знакомый звук приближающегося аппарата. И думал. О том, что война пришла туда, где быть её не могло. Уж очень далеко от линии фронта. А значит, запустить аппарат мог местный. Со-о-те-чест-вен-ник.

Ну вот. Опасно в Москве, опасно теперь и в далёкой глуши. А они развлекаются, катаются на плоту, вспоминают детство... Хотя кто развлекается? Солдат в отпуске и вот эта славная труженица, которая могла бы оказаться на том мосту вместе со своими народными сетями фронту...

— А ещё два беспилотника упали в поле, — раздался голос Печаткиной.

— Когда?

— Да тогда же. Пишут, что один взорвался в километре от моста, у обочины. Второй упал и не сработал. Вызвали сапёров, — прочитала Печа. — Ой, всё, телефон разрядился.

Печаткина раскрыла пакет, убрала телефон. Рывком оторвалась от Алексея.

Всё сразу стало другим. У него даже в ушах зазвенело.

Печа встала на колени, крепко схватила Алексея за плечи и развернула к себе. Алексей невольно повторил за ней. И теперь тоже, изо всех сил балансируя и больно вдавившись коленями в брёвна плота, стоял на коленях напротив Печаткиной.

— Ты только не меняйся, — заговорила она. — А я тут буду... Не меняться. Мы стараемся — расскажи своим. Я теперь знаю, что ты ТАМ, и в десять раз мощности увеличу. Пусть вводят карточки, комендантский час — я всё выдержу и других заставлю. Мы упустили свою Родину — нам и поднимать.

— Ну, тогда мы маленькие были...

— Пионеры-герои тоже маленькие были. А чего-то соображали.

Печа сказала то, что всю свою жизнь держал на задворках сознания Алексей. Детям своим ни про каких героев не рассказывал. Так хотелось, чтобы они жили только мирно, без страданий и жертв. Но сам не мог не помнить. Воспоминания о героях, про которых он знал с детства, словно пионерские значки, были приколоты к его совести. Изнутри. Наверное, теперь смело можно было вытаскивать их наружу.

— Да. Я понял. Спасибо тебе, — не отводя глаз от лица Печаткиной, проговорил Алексей.

Она молчала. Тоже смотрела не отрываясь. Алексею казалось, что она поёт. Какие-то забытые слова про «взлети выше солнца», умолкших весёлых хлопцев, про то, что жизнь обязательно возвратится ко мне. Одновременно про день добрый, леса и поля. И про товарища Правду. Она ведь всё это пела когда-то — теперь уже отчётливо вспоминалось Алексею. Все пели что-то модное, а она — что хочет. Да даже если половину из этого исполняло радио — в памяти Алексея эти песни будут звучать голосом Печаткиной. Уже звучат. Впечатались.

... Последние километры оказались самыми сложными. Два раза плот сел на мель, вот тут шест и пригодился. Печа старательно разглядывала берега, пытаясь узнать на них что-то знакомое. На разговоры не отвлекалась.

Навигатор наконец показал Алексею, что всё. Приплыли.

— Туда, вон туда давай! — скомандовала Печа, которая что-то увидела в бледном тумане. — Там как раз хороший сход на пляж.

Алексей соскочил в воду. Повёл плот к берегу. Печа сидела, крепко вцепившись в чёрный мусорный пакет с вещами, которые действительно удалось довести сухими. Алексей подхватил пакет, ступил на родной берег. Это

был один из дальних пляжей, его расположение Алексей не помнил. Но верил Печаткиной.

— Ну вот, — с растерянной улыбкой сказала она, догнав Алексея.

— Да.

— Всё получилось.

— Правда?

Печа улыбнулась. Как заря. Ясно и радостно. С обещанием уверенно счастливой жизни.

И ушла в кусты переодеваться. Вышла в мокром платье, протянула тактическую рубашку.

Повернувшись спиной, принялась разбирать вещи, пока переодевался Алексей. Тщательно сложила и спрятала в свою челночную сумку чёрный пакет.

— Сохраню.

Алексей, который только закончил выжимать штаны, резко выпрямился. Печа, уже в тапочках, стояла со своей сумкой в руках, готовая идти дальше. Плот лежал на песке — пусть теперь дети катаются.

— Я тоже не забуду, — тихо сказал Алексей.

Печа молча кивнула. Алексей смотрел на неё.

Надо было сказать что-то знаменательное. Наверно. Но в этот момент Алексею снова пришла на память школа. Девятый класс, итоговое сочинение. Оценка два, медаль под угрозой. Алексей не смог его написать, сдал двойной листок с несколькими невнятными строчками. Даже последнее предложение не закончил. Тема была «Образ Родины». Пока все лихо списывали или вспоминали лозунги, Алексей мучительно пытался представить себе этот образ. Ну вот какой он? Вижу чудное приволье, вижу реки и моря?.. Он хотел написать честно. Сам представить этот образ, соединить в нём всё, что он о своей Родине знает. Выкрутиться, сдав грамотную отписку, Алексей не мог себе позволить. Ведь простая тема. Сам сформулировать должен. Не сформулировал. Получил двойку, его

вызвали переписывать, дали другую тему, пятёрка в году всё-таки вышла. Это сочинение долго мучило Алексея: ну как так, с темой не справился? И заставило понервничать.

А сейчас он подумал, что легко написал бы это сочинение. Да вот же он какой, образ Родины, — Света Печаткина. О ней бы Алексей написал. Она больше, чем любовь. Она прошлое и будущее. За неё, за её покой, безопасность, за песни за её хочется сражаться. Деятельная Света Печаткина спасёт и защитит его жену и детей, если что. Родина. Вот такая.

Этого он говорить Печаткиной тоже не стал.

— Пойдём.

— Пойдём...

Алексей подхватил рюкзак и сумку. Двинулся вслед за Печаткиной по тропинке в зарослях, затем лугом, вдоль первых заборов.

Вытащил телефон. Жена ответила сразу.

Пели петухи. Вставало солнце.

Показался поворот, который Алексей помнил. Поворот старой улицы, ведущей к площади. Печаткина остановилась.

— Ну, счастливо тебе. Алексей.

— Алексей, — улыбнулся Алексей.

— Чудно, — смутилась Печаткина, — но ничего. Ты живи. Обязательно выживи. И вы там все на фронте обязательно живите. Побеждайте. Мы вас ждём. Всех.

— Спасибо, — Алексей говорил с трудом. А хотелось сказать много. Но сказал он только Богу, чтоб спасал. Попросил, конечно же.

Света Печаткина подхватила сумку, шагнула за угол и пошла по переулку. А Алексей направился к площади.

Из-за поворота выехала машина его жены. Армейский рюкзак, висевший на одной лямке, нетерпеливо качнулся, словно подгоняя. И Алексей прибавил шаг.